

Михаил Март

Глухая пора листопада (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7074901
Глухая пора листопада: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083060-2

Аннотация

Смерть всегда трагична! Молодая женщина умирает от сердечного приступа. Таков диагноз медиков. Вопрос закрыт. Но похороны не состоялись. Труп исчез. Муж покойной в панике. Следствие началось.

На более чем странное дело ставят опытного следователя. Но чем больше он вникает в детали истории, тем сложнее распутывается клубок. Все подозреваемые имеют железное алиби. Сыщик приходит к выводу, что медики ошиблись. Речь идет об убийстве. Его подозрения подтверждаются. Реальность открывает перед следствием картину страшного, коварного преступления.

Содержание

Глухая пора листопада	5
История десятилетней давности	5
Сегодняшний день	25
История девятилетней давности	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Март

Глухая пора листопада

© М. Март

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глухая пора листопада

История десятилетней давности

1

Если того требовали обстоятельства, то я мог и по морде врезать. Это ничего, что я не выглядел атлетом, а, скорее, походил на хлюпика и маменькиного сыночка. Удар у меня был крепким, и сам умел держать удар. Рос в Москве, на Чистых прудах, и якшался с отъявленной шпаной. Они меня всему научили. И мне нравилось чувствовать себя героем. Среди команды я был самым младшим. Так они меня специально подсылали к ребятам, которых хотели поколотить. Я внаглую придирался к сильным, получал по шапке, и тут вмешивались мои дружки: «Ах, гады, слабых бьете?»

Тогда-то и начиналось главное действие. Били их жестоко, иногда дело до больницы доходило. Вот такие уроки я получал в десятилетнем возрасте.

Из моей тогдашней компании в тюрьме побывали все, кроме меня. Мало кто из них остался в живых. Последнего пристрелили при попытке к бегству из зоны.

Мне же по жизни везло. Семья хорошая, родители влиятельные, после школы в университет поступил и окончил с отличием. Родители и не подозревали, чем я занимаюсь вечерами с местным отребьем. Для них я был в Доме пионеров. Посещал кружки по химии и рисованию. Врал я убедительно. Предки верили. Да и выглядел я как ангел. А то, что в моей душе черт поселился, они не догадывались.

Сюда я сам напросился. Мог бы и в Москве остаться с папашкиными связями, но, получив диплом, тут же упорхнул из семейного гнездышка. Не мог выносить родительской опеки. Воли хотелось. Душа свободы требовала. Тем более что здесь новый институт открылся с большими перспективами. Одно из первых частных заведений, где требовались таланты, а не протекции. Вот я и рванул в неизвестность, словно в омут нырнул. И на этом все радости жизни для меня закончились. Но, кажется, я отвлекся.

Сидел я в баре и тихо пил свою водку из графинчика. Легкий дымный натюрморт, все вокруг тихо и плавно. Скорее всего, мне это казалось. Просто я не слышал шума, не видел суеты, не замечал пьяных. Полное отсутствие присутствия. Со мной такое часто случается. Я жил в себе, в своем мире, и меня мало интересовала действительность. Монотонность бытия меня убивала. Даже водка уже не спасала.

Тут все и произошло. Я даже не понял, что случилось. Столика через три от меня мужик съездил по лицу женщине, сидящей с ним за одним столиком. Похоже, они тоже пили. Чем-то она ему не угодила. Но разве можно так бить женщину? Бедняжка упала вместе со стулом и растянулась на полу с разбитой губой и кровавым носом.

Я закрипел зубами. Надо бы выпустить пар. Накопилось. Можно сказать, что я даже не думал. Сработал рефлекс. Я подлетел к сидящему обидчику и врезал ему кулаком по морде. Красиво получилось. Главное, что успел. Если бы он сделал со мной то же самое, то мне не поздоровилось бы. Мужик раза в три превосходил меня по своим габаритам. Теперь и его стул был опрокинут, а он сам валялся на полу. Главное – не останавливаться. Иначе все перерастет в банальную драку. Вряд ли я выйду из нее победителем. Я схватил со стола бутылку с вином и разбил ее об угол стола. В моих руках осталось горлышко с острыми

осколками. Я поставил ногу в мексиканских сапогах на горло лежащего и придавил его к полу.

– Не рыпайся, гнида, рожу разрисую.

Осколок в руке выглядел убедительно. Никто с места не сдвинулся. Вот тут наступила настоящая тишина. Даже бармены застыли за стойками.

– Женщин бить запрещено даже в этом гадюшнике! – крикнул я осипшим голосом.

Ответа не последовало.

Наконец-то во мне черт проснулся. Но такие паузы длятся недолго, и я хорошо знал, что за этим последует. Надо было уносить ноги.

Я резко перешел на другую сторону стола, схватил за руку женщину, поднял ее на ноги и подтолкнул к двери. Осколок выставил вперед, если кто задумает вмешаться.

Дамочка оказалась сообразительной, сумев врубиться в ситуацию. Мы вышли на улицу. Шел настоящий ливень, в считанные секунды мы промокли насквозь. Правда, этих секунд хватило, чтобы добежать до моей машины. Я ее открыл и приказал даме садиться.

Она послушно села на переднее сиденье. Я нырнул за руль и завел движок.

Через пару минут мы уже ехали по пустынным улицам города.

– Куда тебя отвезти? – спросил я.

– Без разницы. У меня нет своего дома.

Честно говоря, меня не интересовал ее ответ. Я ехал к себе домой. Все, что я заслужил за свой труд, так это паршивую однокомнатную квартиру, да и ту на окраине. Я даже мебель в нее не стал покупать, а пользовался барахлом, выброшенным за ненадобностью. Больше всего мне повезло с кроватью. Правда, она полкомнаты занимала, но я редко бывал дома и появлялся там, когда нужно было выспаться. Тут кровать и требовалась.

Приехали мы быстро.

– Можешь зайти ко мне, умыться и обсохнуть. Для ночных прогулок погода неподходящая.

– Спасибо. Потребуешь от меня благодарности?

– Ничего мне от тебя не надо. Баб я не бью, даже если пьем вместе. Водка в доме есть. Она греет лучше, чем женщины. И от простуды спасает.

– Последний аргумент самый убедительный.

Мы вышли из машины и добежали до подъезда. Моя квартира находилась на втором этаже. В ней стоял устойчивый запах затхлости. Дня три я не открывал окна.

– Ванная – первая дверь слева. Умойся. У тебя вся морда в кровищи. А я пока закуску найду. Но у меня только консервы.

– Не имеет значения.

Она скрылась за дверью ванной. Честно говоря, я даже не разглядывал ее. Но когда она вышла, то меня дрожь проняла. Начать надо с того, что гостья напялила мою рубашку и, судя по всему, под ней ничего не было, но длины рубашки хватило, чтобы прикрыть самые интересные места. В первую очередь меня поразили ее ноги. Такие можно только на картинках увидеть. Ни одного изъяна. Придаться невозможно. Я глянул на ее лицо. Что могла делать такая красавица в поганом кабаке с вонючим мужиком с помойки?

– Рот закрой, – тихо сказала она.

Девушка откинула назад шикарную копну волос, и они легли на ее плечи. Это были пышные темно-рыжие волосы, очень густые и длинные. В сочетании со светло-зелеными глазами и бледным лицом все вместе походило на небрежные мазки художника, умеющего безукоризненно подбирать цвета и сочетать их.

Она села на пол, где сидел и я на грязном ковре, и разлила водку по граненым стаканам. Эта женщина знала себе цену и понимала мужчин, которые пьются на нее.

– Кто тебя затащил в эту вонючую шарагу?

– Давай согреемся. – Она залпом выпила стакан водки, будто в него налили ароматного сока.

Я сделал то же самое. Эта история походила на какой-то розыгрыш и от нее веяло фальшивкой. Теперь мне уже казалось, что я видел эту женщину раньше. Не мог понять, где и когда, но я не мистик, и видения ко мне не приходят.

– Не заморачивай себе голову всякой ерундой, – сказала она.

– Так, обычное любопытство.

– Никакой романтики. Поругалась с мужем и ушла из дома. Даже сумочку с деньгами и ключами забыла. А тут еще ливень начался. Какой-то хмырь остановился. Предложил подвезти. Я согласилась. Башка ничего не соображала. Хотела поехать к подруге. Этот тип остановился у той забегаловки. Предложил выпить. Мол, куда торопиться. И опять я согласилась. О последствиях не подумала. Вошли, сели, выпили. Мне даже легче стало. Решила вернуться домой. Вот тут этот псих взбеленился. Пошел трехэтажный мат. Я попыталась убежать от него, ну а результат ты видел.

– Рисковая ты девушка. На ночь глядя уходить из дома...

– У меня машина есть. И зонт тоже. Психанула, дверью хлопнула. Муж даже с места не двинулся. Был уверен, что я вернусь через пять минут. Куда же я денусь без него? Наглец! Я же иждивенка! Домашняя болонка. У него на шее сижу. Работать он мне не дает. А ведь это я из него человека сделала. Он до сих пор без моих консультаций палец о палец не ударит. А сам, поганец, со своей секретаршей спит. Урод! Убила бы, да тюрьмы боюсь.

Теперь я ее узнал. Точнее, вычислил. Я уже понял, чья она жена. Пришлось еще раз разлить водку.

– Хватит о быте. Давай выпьем за знакомство. Меня зовут Андрей.

– Ляля.

– Ляля? Это Ольга, что ли?

– Нет, Лена. Только для всех я Лялька. А когда-то меня по имени-отчеству величали.

Она здорово опьянела. Взгляд стал мутным, но, кажется, ее ничего не волновало. Вот только смотреть на меня стала чаще и не отводила глаз в сторону, как это делала в первые минуты. Похоже, красавица перешагнула через запретную черту. Скорее всего, умышленно или от злости. Я едва себя сдерживал. Соблазн был слишком велик, сердце по ребрам стучало так, словно его подменили на кувалду.

– Ты думаешь, я к тебе навечно пришла? Хотелось бы, но ничего не получится. Так пользуйся, пока есть такая возможность.

Меня словно с цепи сорвало. Мы вели себя как два изголодавшихся зверя. Даже до кровати не дошли. Давно я себя так не вел. Чувства плескались через край, а главное – в ответ я получал ту же сумасшедшую страсть. Мы стали одним целым, превратившись в огненный клубок.

Сумасшествие кончилось под утро, и я уснул у нее на груди. Хуже всего было просыпаться. За окном уже было светло. Выглянуло солнышко. Рядом никого. Хотелось завывать. Пожалуй, первый раз в жизни я понял, что значит одиночество в чистом виде. Пока я дрях, она тихо ушла. Возможно, сожалея о случившемся. Конечно, я могу ее найти. Но что я услышу в свой адрес? А может, она и вовсе не вспомнит меня. Кто я такой? Винтик в механизме ее мужа. Моего шефа, директора и собственника НИИ имени Менделеева – Зиновия Карловича Подрезкова. Он носил фамилию жены, так как своя его не устраивала. Не все были готовы иметь дело с Гольдштейном. Жену шефа звали Леной. Тут все совпадало.

Было и еще одно совпадение. Я спал с его секретаршей Оксаной. Оказывается, не я один. Оксана обслуживала и своего шефа. Это закономерно, а я для нее стал мальчиком для удовольствия. Всех все устраивало. Конечно же, Зяма, как мы называли шефа, подробностей не знал. На деле же я жил у Оксаны (шеф ей купил хорошую квартирку) и в свой клоповник

заходил редко. Только в те дни, когда Зяма наезжал к Оксане. Милая бабенка, она меня понимала, лелеяла, докладывала о положении дел в институте. Все в одном флаконе. Но главное – Оксана от меня ничего не требовала. Похоже, ее тоже устраивало положение дел.

Представим себе, будто Лена знала о муже и Оксане. Тогда почему терпела? Или ее тоже все устраивало? Но если раньше я был любовником секретарши шефа, то теперь стал любовником его жены. Явный перебор. К тому же Зяма ко мне хорошо относился. Я талантливый, молчаливый, не требовательный и исполнительный. Остальное ему знать ни к чему. Он как был лохом, так им и останется. Я ведь тоже никому ничем не обязан. Все прекрасно. Всё, кроме одного. Я влюбился. Может, пройдет? Хотелось бы. Но стоило мне о ней подумать, как все тело покрывалось поётом. Я все еще валялся на полу, и у меня болели кости. Не хватало сил встать.

Я уже знал, что буду делать. Поеду к Лене. Тут и к гадалке не ходи. Почему вчера я поперся в этот бар? Потому что сегодня утром Оксана уезжает с Зямой на три дня в Омск. Он всегда ее таскает по командировкам. Даже живут в одном номере. Эдакий живчик. А ведь Зяме за полтинник. Юбилей года два назад отмечали. Но главное не это, а то, что Зяма вернется только через три дня. А значит, Лена могла спокойно вернуться домой. Я знал, где живет мой шеф. Шикарный дом он построил на берегу реки, рядом с городской чертой. У него в кабинете долгое время стоял макет особняка в разрезе. Я даже знал расположение всех комнат. Зяма – кошмарный хвостун. Дураку гора денег с неба упала, и он долго привыкал к статусу миллионера. Только теперь немного притих, а так, как несушка, кудахтал на всех углах о своем благополучии. Мерзкий тип. Я всегда над ним смеялся, но сейчас меня одолевала черная зависть. За что этому идиоту досталось столько счастья? Мне двадцать семь лет, я талантливый ученый, а живу как бомж.

Вот только почему-то раньше я об этом не думал. То ли плюнул на все, то ли меня устраивало всё это убожество. Обычное животное. Кормили хорошо, женщину на ночь клали в постель. Денег на модную одежду хватало, дети под носом не визжали. От работы получал удовольствие. Иногда на нервы действовала хреновая машина и тоску вызывал клоповник, в который приходилось время от времени приходить, а так ничего. Вот только раньше я думал, что все еще впереди. Мне лишь двадцать семь лет. А сейчас я с ужасом думал, что мне уже двадцать семь. А что я видел? Кафельные стены лаборатории, округлую попку Оксаны? Что еще? Пусто!

Я стал злиться и действовать сам себе на нервы. Пришлось подняться с пола и пойти в ванную. Я принял душ, надел хороший костюм и вышел на улицу. Никаких мыслей. Я знал, куда поеду и даже не спорил с собой. Пустое занятие. Когда во мне просыпается черт, я с ним не спорю, а лишь выполняю его приказы.

Машина ехала сама, будто я ею не управлял. На работу сегодня уже не попаду. Плевать! Ко мне никто не придерется. Хочу приду, хочу не приду. Мелочи. Весь институт знает, что я ухожу из здания позже всех, иногда и до ночи сижу. А увлекаясь, и про обед забываю. Лаборантки лишь пирожки из столовой приносят. Одна из них очень хорошенькая. Все на пикник меня зовет. Знаю я эти пикники. Не против. Но никак времени не найду. Почему Оксана может жить с двумя мужчинами сразу, а я не могу погулять на стороне? Лень-матушка мешает. Но этой ночью в моем сознании что-то перевернулось. Скорее всего, я ожил после долгой спячки. Нет, эту ночь я вычеркнуть не могу. И не хочу.

Я нашел Елену в саду. Она сидела в глубоком шезлонге, накрывшись пледом, а по земле кружились осыпавшиеся желтые и красные листья. Я остановился и смотрел на нее, не отрываясь, словно утолял жажду. Такой источник не выпьешь. Я терпеть не мог измусоленного слова «любовь». Никогда его не произносил. Бабье словечко. Они им умеют манипулировать. У меня опять заколотилось сердце. Во мне происходили непонятные процессы. Я перерождался. Скоро из куколки появится бабочка, у меня вырастут крылья, и я полечу.

Внезапно Елена открыла глаза и увидела меня прямо перед собой, но на ее лице не дрогнул ни один мускул. Так она смотрела целую вечность, потом сбросила плед на траву, встала и обняла меня за шею. Ее губы обожгли мне рот. Она все еще горела. Я обнял ее и прижал к груди. Сумасшедшее блаженство. Кто этого не чувствовал, тот не жил.

Внезапно она вздрогнула и резко отпрянула.

– Черт, это не сон!

Она укусила себя за руку.

– Ты ушла не простившись. Что-то не так?

– Бог мой! Значит, все это было на самом деле?

– И что тебя удивляет? Наша встреча была неизбежной. Чуть раньше, чуть позже. Нас судьба свела.

Неожиданно она начала меня бить. Кулачки ее были слабенькими, и я лишь удовольствие получал от ее огненного темперамента, а потом обхватил руками, прижал к себе и начал целовать. Она не сопротивлялась. Она плакала. Ее лицо стало мокрым от слез.

– Уходи, – прошептала она. – Уходи! Я не должна тебя видеть. Тебя нет. И никогда не было.

– Ты выйдешь за меня замуж? – задал я самый глупый вопрос в своей жизни.

– Ты сумасшедший. И я от тебя заразилась. Мы оба психи. Наша связь сведет нас в могилу. Я знаю, о чем говорю. Безумство не остается незамеченным. Нас живьем закопают. На этом все кончится. Счастливые концы только в романах бывают. Жизнь черная и дождливая. Я не могу тебе дать того, чего ты хочешь.

– Ты выйдешь за меня замуж? – повторил я вопрос.

– На этом свете вряд ли. Там, на небесах, возможно. Когда станем свободными.

– Мы еще и на земле проживем в свое удовольствие. Я тоже знаю, о чем говорю. Мне нужно лишь твое согласие.

– С тобой я и в пропасть готова прыгнуть.

Я все еще прижимал ее к себе и чувствовал, как она горит. Это не притворство. Пора поверить в мифическую судьбу. Вдруг Елена словно протрезвела, оттолкнула меня и побежала к дому.

Я остался один среди яблонь и рассыпанных по земле плодов. Мне очень не хотелось уходить. Но она не вернется. Ее сковывает страх. Она им как цепями опутана. Мы в неравном положении. Это мне все нипочем. Живу, как хочу. Море по колено. Я никогда не ставил себя на чье-то место. Потому что мне плевать на других. На всех без исключения. Теперь придется примерить на себя чужую шкуру. Очень близкую мне шкуру и очень ценную для меня.

Решение выносил за меня черт, сидящий где-то в тихом уголке моей души. Он всегда находит ответы на все вопросы, которые невозможно решить трезвым умом.

Я направился к воротам и спокойно вышел на улицу. Сторож не обратил на меня внимания. Когда я заходил, показал ему коробку, завернутую в газету. В ней ничего не было. Представился курьером интернет-магазина и добавил, что несу заказ Елене Подрезковой. Меня пропустили. То же самое я сказал и горничной, открывшей мне дверь особняка. От предложения оставить заказ я отказался. Мол, подпись заказчика нужна. Она и направила меня в сад, где я нашел свое сокровище. Вряд ли все остальное кто-то видел в окна. Ветви деревьев были еще густо усыпаны листьями.

Я сел в свой тарантас и поехал домой к Оксане. Соседям я уже примелькался, ко мне привыкли и даже здоровались со мной. Я всегда со всеми поддерживаю хорошие отношения. Милый, очень обаятельный, а по словам Оксаны, даже красивый и к тому же очень воспитанный молодой человек. С начальством не спорю, но делаю то и так, как считаю нужным. Мало того, у меня все получается. Башка варит хорошо. Мог бы докторскую написать. Но лень.

В квартире Оксаны меня интересовали лишь ключи. Связку ключей от кабинета Зямы, его сейфа и стола она не стала бы брать с собой в Омск. Зачем ненужную тяжесть таскать? Вот только такие мелочи меня никогда не интересовали, и я не знал, где она хранит их. Надо лишь понимать, что все нужное должно быть всегда под рукой. Да и прятать ей не от кого. Я знал, где лежат ее деньги и золотишко, но блеск побрякушек, которыми одаривал ее Зяма, меня вовсе не интересовал. Своих денег хватало.

Все правильно. Ключи я нашел за пять минут. Они лежали в шкатулке на тумбочке возле кровати. Остальное я найду на месте. Чуть позже. Сейчас главное – не суетиться. Во всем нужна размеренность.

На работу я приехал во втором часу дня. Наша лаборатория занимала четыре комнаты, точнее, зала. По десять столов в каждом, да еще оборудование, колбы, пробирки и всякая муть. Каждый занимался своим делом и собственными опытами. Общий результат получался при смешивании десяти, а то и больше компонентов в определенных пропорциях. Итоги подводили после испытаний. Иногда нескольких. Но о том, какая гремучая смесь получалась в итоге, знали трое. Я, начальник лаборатории и Зяма. Что-то знал наш главный фармацевт, но не всё.

Начальник лаборатории начал разглядывать меня как привидение. Хороший мужик, но очень рассеянный.

– Я с тобой сегодня здоровался, Андрюша?

– Нет, Иннокентий Василич, мы еще не виделись.

– Хорошо, что я на тебя наткнулся. Пойдем в курилку, там и поговорим.

Курящих в институте практически не осталось, так что курилка была лучшим местом для приватных разговоров. Но мы-то еще курить не бросили.

Уединившись, он закрыл дверь в коридор и, достав из кармана газету, подал мне. Я знал, что надо в ней искать. Короткая заметка была помещена на четвертой странице.

«Вчера утром в собственной квартире был найден труп начальника строительного треста “Свой дом” Агранова Семена Тихоновича. Его обнаружила домработница в восемь часов утра. Врачи “скорой помощи” установили, что Агранов умер от сердечного приступа примерно в шесть утра. К сожалению, он недавно разошелся с женой, и рядом с ним никого не оказалось. Возможно, его удалось бы спасти. По словами жены предпринимателя, они виделись накануне и ходили в ресторан. Дело шло к примирению. Но, увы, оно так и не состоялось из-за неожиданной смерти Агранова. Ему было сорок шесть лет...»

Дальше я читать не стал.

– В котором часу она дала ему дозу? – спросил я.

– Как договаривались, в десять вечера. Наши расчеты оправдались. Для остановки сердца понадобилось восемь часов.

– Камеру видеонаблюдений она установила?

– Не сработала. Свет в комнате не включался, и жалюзи были закрыты. Сплошная тьма.

– А ехать к нему не решилась?

– Конечно же, нет. Ей алиби нужно. Никто не может гарантировать результатов вскрытия.

– Мы можем, иначе за что деньги берем, – уверенно заявил я. – Препарат растворяется в крови полностью. К тому же вскрытие делают на следующий день после смерти. Если, конечно, не поторопить патологоанатомов. Ты доложил Зяме о результатах?

– Нет. Не будем торопиться. Приедет через пару дней и всё узнает. И результаты вскрытия будут готовы. Не дергайся, Андрюша. Все свое время.

– Ладно. Плевать мне на Зяму. Этой бабе последнюю версию препарата дали.

– Ну, разумеется. Индекс восемьсот пять. Самая точная разработка. Восемьсот четвертый оставлял следы.

– Зяма умеет держать язык за зубами? Или на радостях в колокола зазвонит? – поинтересовался я с издевкой.

– Не считай его дураком, Андрей. Ты же спишь с Оксаной. Разве она что-то знает?

– Вот она-то умеет молчать. И чего она знает, мне неизвестно. Но за нее не стоит беспокоиться. А вот как насчет жены Зямы? – закинул я удочку.

– Серый кардинал. Одному Богу известно, чего она знает, а о чем даже не слышала. Но сам Зяма о ней вообще ни с кем не разговаривает. Закрытая тема. Да и видел ее я всего лишь раз на юбилее Зиновия Карловича.

– Меня там не было. Терпеть не могу посиделок с бездарными тостами. Ну да ладно. Главный шаг сделан. Теперь для нас новая эра наступила.

Выбросив окурки, мы вышли из курилки.

Я дождался момента, когда все ушли. После восьми вечера в институте даже уборщиц не оставалось. Доступ к сейфу лаборатории у меня был. Им пользовались два человека: мой начальник и я сам. Секретный препарат с кодовым названием 805 существовал в двух видах: в порошке белого цвета либо в ампулах с жидкостью голубого цвета. Он имел вкус и запах. Тут уж ничего не поделаешь. Уникальная отравка. Но чтобы отбить вкус и запах, надо ее смешивать с алкоголем. Коньяк подходит к этому зелью лучше всего. Я взял оба варианта. Не думаю, что мой рассеянный начальник заметит пропажу. Во всяком случае, ему такая мысль не придет в голову. У нас никогда ничего не пропадало.

Из лаборатории я направился на седьмой этаж, где располагались кабинеты нашего руководства. Бездари и бездельники с высокими окладами. Среди этой своры был только один человек с мозгами, и звали его Илья Федорович Гальперин. Бывший полковник милиции, но никогда не занимавшийся оперативной работой. Он был снабженцем с большими связями и всю жизнь строил генералам дачи, похожие на дворцы. Достать он мог всё. Незаменимый человек. Нас он тоже обеспечивал всей таблицей Менделеева. Особенно мне нравился его хитрый взгляд. Он никогда не задавал вопросов, будто знал все ответы заранее. А главное, он очень хорошо разбирался в человеческой натуре и точно знал, кому чего не хватает. Я был одним из немногих, с кем Илья Федорович выпивал. Он не пьет с людьми, для которых что-то делает, либо с теми, кто может обратиться к нему с просьбой. Я ничем не интересовался и ни черта не просил. Свободный художник по жизни и пофигист. Он это понял, а потому мы и выпивали с ним от случая к случаю. Кто же знал, что в одночасье во мне произойдут резкие перемены. Никому и в голову не приходило, что во мне черт спит. И кто знает, чем его пробуждение может закончиться.

На этаже горел дежурный свет. Пять лампочек на стометровый коридор. Я мог найти кабинет Зямы и в полной темноте. Пять лет уже хожу по коридорам института.

Интуитивно я выбрал нужный ключ и открыл дверь. Сначала шла приемная. Здесь мы когда-то познакомились с Оксаной. Из факса на ее столе торчал лист бумаги. Я взглянул на него. Это было подтверждение из Омска о брони номеров 303 и 304 в отеле «Таежный». Меня эта бумага смутила. Не тем, что ее прислали, а тем, что Оксана заказала два номера. Обычно они заказывают общий люкс из трех комнат, а тут номера разные. Меня такая новость только порадовала.

Я пошел дальше, открыл кабинет, вошел и зажег свет. Даже если меня здесь застукают, то вряд ли это может насторожить. Все знали о моих панибратских отношениях с директором и о том, что я вхожу к нему без стука. Моему появлению здесь не удивятся. Ключ от сейфа отличался от остальных. Ничего особенного в сейфе не хранилось. Лежало много надписанных конвертов с деньгами. Это для взяток и откатов. Один из них предназначался начальнику управления местного МВД. И таких пивок хватало, и каждому дай. Зяма умел

ладить с нужными людьми. Он точно оценивал услуги каждого, оттого и конверты по пухлости были разными.

Я достал только портфель. Небольшой, старый, потрепанный, но кожаный. В нем Зяма хранил личные бумаги. Я сел за его стол и тут увидел в рамке фотографию Лены. Она стояла с потрясающей улыбкой и смотрела на меня. У меня мурашки побежали по коже. Я никогда не находился с этой стороны стола, а потому видел рамку на ножке лишь с обратной стороны и не знал, кто изображен на снимке. Теперь увидел. Как можно, имея такую жену, заводить себе любовницу, да еще сортом ниже?! Зяма полоумный.

В конце концов, я открыл портфель и достал из него бумаги. Тут хватало всякого мусора, но я нашел главный документ. Это завещание. И оно выглядело очень лаконичным. Все состояние, движимое и недвижимое имущество, передается супруге Елене Сергеевне Подрезковой при соблюдении ею пунктов 6, 7, 8 и 9 брачного договора. В портфеле шефа брачный договор тоже присутствовал. И этот документ имел важное значение, если его упомянули в завещании. Я нашел указанные пункты. В них речь шла об измене жены мужу, но в нем ничего не говорилось об измене мужа жене. Значит, он может гулять свободно, а она лишается всего. Мало того, завещание должно быть оглашено через полгода после смерти мужа. Хитро задумано. Лялечка очень рисковала, придя ко мне ночью. Все кончилось скорее закономерно, нежели необычно. Впрочем, ни я, ни она по дороге ко мне об этом не думали. Мы попросту уносили ноги, а я страшно не хотел возвращаться в свой клоповник в одиночестве.

Сейчас все это уже не имело значения. Я забрал оба документа и переложил их в кожаную папку, а портфель положил на место и закрыл сейф. На стене в приемной висело расписание поездов, и я понял, что забежать к Оксане домой уже не успею. Из института я вышел в девять вечера и на полных парусах помчался на вокзал.

К поезду я успел. Никаких билетов покупать не следовало. Проще договориться с проводниками. Платишь наличными и едешь. Мест осенью полно, к тому же до Омска четыре часа езды.

Все шло как по маслу. Мне всегда удаются мои задумки. Главное – не суетиться и не нервничать. Да и с чего бы? За меня сейчас черт думал, а у него все получается.

Я еще поспать успел в отдельном купе. В час ночи меня разбудила проводница.

– Подъезжаем.

Я даже не сразу понял, где нахожусь.

– Скажи мне, милая, а когда вы обратно поедете?

– Мы едем дальше, потом обратно. В Омске будем в семь утра.

– Тогда прихвати меня. Я ведь на минутку, дочку навестить, а завтра еще на работу вернуться надо.

– Ради бога! Мест полно, сам видишь.

– Вот и ладушки.

От вокзала я взял такси. Около двух часов был в отеле. Холл пустовал. Швейцар гуляет, дежурный администратор спит. Задержка произошла в коридоре третьего этажа. Какой номер выбрать? 303 или 304? Я повернул ручку первой двери и приоткрыл ее. В номере горел свет. Я тихо вошел. Чемодан на кровати, женские вещи, мелодичный голосок тихо мурлыкал в ванной. Ошибся адресом, прошу прощенья. Следующая дверь тоже была не заперта. Зяма расхаживал по комнате в махровом халате и болтал по мобильнику. Я притаился за дверь.

– Да, киска, все в порядке. Только что поужинал в ресторане с ребятами. Наши договоренности в силе. Документы будут готовы к завтрашнему дню. Веди себя хорошо.

Он наверняка разговаривал с Леной. Иметь еще одну бабу на стороне – это уже слишком. Я не стал напрягать мозги и смело вошел.

– Живем нараспашку?

– Фу, черт! Ты меня напугал.

– Конечно, если ты меня с чертом спутал.

– Как ты здесь очутился?

– Приехал по делу. Даже коньяк по дороге купил. Поболтаем и уеду.

Я поставил бутылку на стол, сел в кресло. Вынул из кармана газету и бросил на стол.

– Вот новостишка.

Зяма тоже знал, где и что читать. Просмотрев газету, он в задумчивости принес два стакана, стоящих возле графина, и поставил на стол. Я разлил коньяк. Мы выпили.

– Важное событие. Его стоит отметить. И все же это не шедевр. Как действует препарат?

– Ну ты же знаешь. В течение двух часов у человека атрофируются конечности. Проще говоря, его парализует. Головой он понимает все, но ничего не может сделать. Живая мумия. В следующие четыре или пять часов у него начинает падать уровень кислорода в крови. Это мы проверяли датчиками. Когда этот уровень доходит до нижней планки, сердце не выдерживает, а мозг умирает. Наступает физическая смерть. Следов препарата в организме не остается. Он испаряется вместе с кислородом, и потом вскрытие может показать лишь повреждение сосудов сердечной мышцы. Причины для такого приступа всегда найдутся. Но точная диагностика невозможна.

– Врачи могут определить диагноз до смерти. На первом этапе.

– Поставят обширный инфаркт. Ничего другого им в голову не взбредет. Если человек парализован, то кровь у него брать никто не будет, анализ мочи их тоже не заинтересует.

– Хуже всего, Андрюша, то, что мы работаем на заказчика. А значит, на живого свидетеля. И их число будет только расти. А значит, мы уязвимы. Тем более что такой бизнес требует рекламы, а иначе у нас не будет клиентов. И сеть посредников нас не спасет. Стоит грамотно потянуть за ниточку, и она приведет к клубочку.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – усмехнулся я.

На этот раз Зяма сам разлил коньяк.

– У тебя лимончика нет?

Он подумал и ответил:

– Кажется, есть виноград. Сейчас гляну в холодильнике.

Пока он ходил к холодильнику, я высыпал порошок в его стакан. Как все просто.

– Предлагаю новую идею, – продолжил он, взяв стакан в руки. – Мы должны сами выбирать себе клиентов и сами брать их в оборот. И все деньги забирать себе. При чем клиент нас не сдаст. Потому что он всегда будет знать, что возможна новая атака. Но на этот раз его не спасут.

– Обычный шантаж? – удивился я.

– Смысл не в этом. Нам нужна сыворотка спасения. Пусть схема работает по-прежнему. Ты говоришь, будто клиент находится в здравом рассудке, но парализован и понимает свой конец. Вот тут ему нужно показать шприц. «Один укол – и ты вернешься к жизни. Он стоит миллион долларов. Выбирать тебе. Похороны обойдутся дешевле». Заплатит любой, у кого есть деньги. Ну а таких клиентов сейчас много. Ты гениальный химик, Андрюша. Сыворотка жизни должна появиться не позже, чем через полгода.

Зяма выпил коньяк. Я тоже.

– Идея хорошая. Но придется переработать восемьсот пятый препарат. Новый должен вернуть клиента к жизни. Сейчас спасти человека невозможно. Если оставлять ему шанс, то некоторые компоненты, от которых нет спасения, придется изъять. Тут есть над чем подумать.

– На то тебе Господь умную голову на плечи посадил. Эксперимент себя оправдал. И хватит. Заказчик был надежным. Человек, за которого я могу поручиться лично. Но дальше мы не пойдем.

– Согласен. Ладно, Зиновий Карлович, я, пожалуй, пойду.

– И черт тебя дернул приехать.

– Точно. Черт дернул. Но событие мне показалось очень важным. Захотелось его отметить. А с кем, если не с тобой. Ты ведь, как и я, неугомонный. Опять меня озадачил. И опять ты прав. Контроль должен оставаться в наших руках.

Я встал, пожал ему руку и ушел. На выходящих из отеля никто не обращал внимание. Не спится человеку, погулять вышел.

Над гостиницей висело светящееся табло с календарем и часами. Шел четвертый час ночи. Я решил пройти до вокзала пешком. До поезда еще куча времени. По возвращении надо забежать на работу и посветиться на людях. А главное – дождаться новостей из Омска. Они должны быть печальными.

2

Никого из своих жертв я не знал. Все они играли роль подопытных кроликов, и не более того. Я плохо понимал, что такое смерть. Меня интересовали результаты опытов. Подсыпая порошок Зяме в коньяк, я не думал о его физической смерти. Просто впервые проделывал эксперимент лично и не собирался никому об этом говорить. Зиновий Карлович Подрезков был моим шефом, и нас связывала общая работа. К тому же я лично отправил его на тот свет. Но он к смерти относился как к своему бизнесу, который начинал приносить прибыль. И здесь Лена права. Он был страшным человеком, и жить с таким рядом страшновато. А хуже всего то, что он чувствовал свою безнаказанность. Такой способ убийства невозможно раскрыть. Теперь я понимал, какую адскую машину придумал. Хуже всего, что отдал орудие смерти хладнокровному дельцу, которого, кроме денег, ничего не интересует. Но процесс уже пошел, и вряд ли я смогу его остановить. Идея рождалась как помощь безнадежно больным людям. Эвтаназия избавляла людей от мучений, а я был ее сторонником. Но никто не хотел ее признавать, и врачей отправляли в тюрьмы. Я сумел создать препарат, не оставляющий следов после смерти, но не рассчитывал, что мне скажут за это спасибо. А Зяма перевернул мою идею с ног на голову. Он лучше меня понимал, что мы живем в волчьей стае.

– Выйдя на улицу, я ткну пальцем в любого, и он станет убийцей, – говорил он мне. – Надо лишь избавить его от наказания, а врагов у всех хватает. Мы умеем ненавидеть. Любовь существует только на словах и в сказках. Она, как красивые цветы, растет только на клумбах и требует ухода. В остальном мы натываемся на сорняки.

Я с ним не спорил. Он видел мир по-своему. А я ученый и жизни вовсе не знал. Любовь меня тоже не касалась. Женщины мне доставались легко, и расставался я с ними без сожаления. Одна лишь Оксана задержалась дольше других. Скорее всего, из-за моей лени. Всегда под боком, хорошенькая, с прекрасным характером, добрая и не раздражительная. Большого мне и не требовалось, пока в мою жизнь не ворвалась Лена.

На работу я опоздал часа на два. Никто этого не заметил. День проходил обычно. Я ждал новостей из Омска, но никто не звонил. Может, я в чем-то ошибся? Решил зайти к начальнику лаборатории Белухину. Мы вновь направились в курилку, где нам никто не мешал. Закурили.

– Есть идея, требующая серьезной работы, Кеша.

– Ты еще не устал от своих идей?

– Нам не нужны свидетели и трупы. Надо лишь заменить два элемента в составе. Это спасет жизнь клиенту. Практически ничего не изменится, но жить клиент сможет сутки, а не